

УДК 9(470)«18» + 9(44)«17/18»

В. А. ЖУКОВСКИЙ И АУСТЕРЛИЦ («Песнь барда над гробом славян-победителей» в историческом контексте)

В.С. Парсамов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ParsamovWS@imail.ru

В статье стихотворение Жуковского рассматривается в контексте представлений об Аустерлицком сражении, существовавших в русском обществе в 1806 г. Поражение под Аустерлицем, которое русское правительство стремилось выдать едва ли не за победу русского оружия, вызвало в обществе прилив энтузиазма. С одобрением было воспринято возвращение Александра I к активной внешней политике. Перед началом новой военной кампании 1806–1807 гг. Жуковский написал пропагандистское стихотворение, отразившее не только внешнеполитические намерения царя, но и общественное настроение.

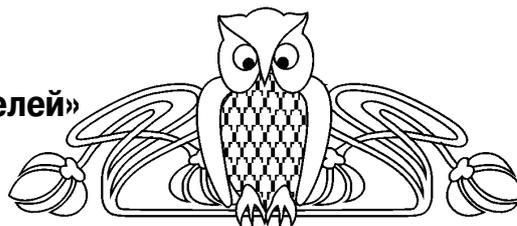
V.A. Zhukovsky and Austerlitz («Song of a Bard on the Grave of Slavs-Conquerers» in Its Historical Context)

V.S. Parsamov

The article deals with Zhukovsky's poem analyzed in the context of notions of Austerlitz battle that existed in Russian society in 1806. The defeat near Austerlitz passed by Russian officials off as almost a victory caused a real enthusiasm in the public. Alexander I's return to active foreign policy was met with approval. Before start of a new military campaign of 1806–1807 Zhukovsky wrote a propaganda poem which reflected both the tsar's intentions in his foreign policy and public opinion.

В 1807 г. отдельным изданием вышло стихотворение Жуковского «Песнь барда над гробом славян-победителей», вызванное, по позднему признанию автора, Аустерлицким сражением¹. Вопреки устоявшемуся мнению, что в «Песне барда» речь идет о «недавно проигранном сражении»², в стихотворении описывается ситуация победы, что видно, во-первых, из самого заглавия, во-вторых, из многократного повторения мотива победы: «враги утихли расточены!», «так пал с победой росс!» и т. д. Почему же в стихотворении, написанном по поводу поражения русской армии под Аустерлицем, говорится о победе русского оружия? Обратимся к историческому контексту.

До 1805 г. Россия практически не занималась военными приготовлениями, несмотря на то, что с 1804 г. во внешней политике царя все более отчетливо проявлялись военные намерения. Член Негласного комитета П. А. Строганов отмечал: «Что касается военных дел, то они незначительны и ограничиваются повышениями и слушанием докладов военного совета»³. Жозеф де Местр летом 1803 г., сокрушаясь, что Россия не проводит

активной внешней политики, писал: «У русского императора только две мысли: мир и бережливость»⁴. Для большинства современников первые годы Александровского царствования прочно ассоциировались с миром. «Россия пользовалась миром и благоденствием под кротким скипетром государя Александра I до 1805 г.», – вспоминал Л. Н. Энгельгардт⁵.

Поэтому полной неожиданностью стал объявленный 1 сентября 1805 г. рекрутский набор, фактически означавший начало войны против Франции. В обращении к Сенату по этому поводу говорилось: «Среди происшествий, покой Европы сильно возмутивших, не могли мы взирать равнодушно на опасности, ей угрожающие. Безопасность империи нашей, достоинство ее, святость союзов и желание, единственную и непремennую цель нашу составляющее, водворить в Европе на прочных основаниях мир, решили нас двинуть ныне часть войск наших за границу и сделать к достижению намерения сего новые усилия»⁶.

Вступление России в войну в 1805 г. не было подготовлено ни материально, ни идеологически. В глазах самого Александра это выглядело как защита принципов свободы и реализация просветительской идеи вечного мира. Ни то, ни другое не встречало сколь бы то ни было широкого понимания в русском обществе. Однако не успело еще общество переварить новую ситуацию, как русские войска потерпели сокрушительное поражение под Аустерлицем. Это произошло 20 ноября 1805 г., а 8 декабря «Санктпетербургские ведомости» писали нечто невразумительное: «Истощенные силы Венского Двора, нещастия постигши оный, также недостаток в продовольствии, не взирая на сильное и храброе подкрепление Российских войск, заставили Римского императора на сих днях заключить с Франциею конвенцию, за которою вскоре должен последовать и мир. *Его императорское величество* пришед на помощь своего союзника, не имел иной цели, как собственную оною защиту и отвращение опасности, угрожающей Державе Его, видя в настоящих обстоятельствах присутствие войск своих в Австрийских пределах более уже ненужным, Высочайше указать им изволил, оставив оные, возвратиться в Россию. В непродолжительном времени опубликованы будут реляции военных действий, до самого пресечения оных»⁷.

Публикацию реляций пришлось ждать долго. Александр I дал распоряжение М. И. Кутузову

«прислать две реляции: одну, в коей по чистой совести и совершенной справедливости были бы изложены действия <...>, а другую – для публикации»⁸. Реляция «для публикации» появилась в газетах 16 февраля 1806 г. Из нее довольно трудно было понять, кто вышел победителем из сражения. Читателю внушалась мысль если не о победе русских, то во всяком случае о ничейном исходе сражения с некоторыми преимуществами, оставшимися на стороне российских войск. «Почти до самой полночи стояли они в виду неприятеля, который не дерзал уже более возобновлять своих нападений». При этом потери русских назывались в полтора раза меньше, чем французов: «По самым вернейшим изчислениям весь урон наш, как в убитых, так и в плен попавших, не доходит до двенадцати тысяч, напротив того, по всем имеющимся сведениям, урон неприятеля в убитых и раненых простирается до восемнадцати тысяч»⁹.

Итак, официальная точка зрения хоть и отличалась неопределенностью, в целом же сводилась к тому, что поражение потерпели австрийцы, а русские, пришедшие исключительно для их защиты, ушли обратно после того, как защищать уже стало некого. Бессовестность подобной фальсификации возмутила Наполеона, ревниво относящегося к одной из самых ярких своих побед. Император французов вынужден был выпустить по этому поводу специальный бюллетень. В нем говорилось: «Здравомыслящие люди с негодованием слышат, как император Александр и его Правительствующий Сенат утверждают, что поражение потерпели их союзники. Вся Европа хорошо знает, что в России нет семьи, не носящей траур. И это не союзников они оплакивают. Сто девяносто пять орудий, захваченных у русских и находящихся в Страсбурге, это не пушки союзников. 50 знамен, вывешенных в Соборе Парижской Богоматери, это не знамена союзников. Толпы русских, умерших в наших госпиталях или находящихся в тюрьмах наших городов, это не солдаты союзников» и т. д.¹⁰.

Русское общество судило об Аустерлицком сражении, конечно, не только по официальной реляции. Благоприятное для Александра мнение об этом событии начало складываться и сложилось еще до ее публикации. Московский современник тех событий С. П. Жихарев писал в дневнике 30 ноября 1805 г.: «Получено известие, что 20 числа мы претерпели жестокое поражение под Аустерлицем. <...> Эта роковая весть вдруг огласила всю Москву, как звук первого удара в большой ивановский колокол. <...> Мы не привыкли не только к большему поражению, но даже и к неудачным стычкам, и вот отчего потеря сражения для нас должна быть чувствительнее, чем для других государств, которые не так избалованы, как мы, непрерывным рядом побед в продолжении полувека»¹¹.

Психологический шок усиливался еще и от того, что не было культурного языка для

передачи пораженческих настроений. Война и связанные с ней победы для русского сознания прочно ассоциировались с одической традицией, прославляющей героев. Парадоксальным образом Аустерлиц в первое время даже поднял авторитет царя. Александр с момента восшествия на престол не пользовался особой популярностью среди дворянства. Как вспоминал А. С. Стурдза, «в течение первых десяти лет правления Александра в салонах обеих столиц все почти в один голос более или менее громко говорили о крайней посредственности императора, о скромности его умственных способностей, о его обманчивой мягкости, скрывающей полное отсутствие энергии и таланта»¹².

Даже приезд Александра к армии накануне Аустерлицкого сражения (событие само по себе неординарное, хотя бы уже в силу того, что со времен Петра I русские монархи появлялись перед войсками только на парадах) встретил холодный прием. Очевидец этого события граф Ланжерон вспоминал: «Я был удивлен так же, как и другие генералы, холодностью и угрюмым молчанием, с которыми войска встретили Императора»¹³.

Но совершенно иначе Александр был принят после своего бесславного возвращения из-за границы. 9 декабря в 4 часа утра царь въехал в столицу и остановился у Казанского собора. Один из очевидцев описал то, что за этим последовало: «Все устремилось туда со всех ног. Он был так сжат со всех сторон, что не мог двинуться с места. Все пали на колени и целовали ему ноги и руки. Радость напоминала исступленный восторг. Этот государь, столь заслуженно обожаемый, плакал от умиления и заверял, что это мгновение восполняет ему все огорчения, которые он испытал, и что он всей душой согласен страдать еще больше, чтобы только снова видеть столь приятные его сердцу свидетельства»¹⁴.

Так встречал побежденного императора простой народ, но и дворянство не осталось в стороне. Буквально через несколько дней, по случаю дня рождения Александра (12 декабря), Дума кавалеров ордена Святого Георгия в лице своих депутатов князей А. А. Прозоровского и А. Б. Куракина обратилась к царю с прошением «о возложении на Себя I степени ордена Св. Георгия». Несуразность этого прошения заключалась в том, что, согласно статуту этого ордена, его мог получить только тот, кто, «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение»¹⁵.

Александр отказался от ордена первой степени, мотивируя это тем, «что он не командовал, а храброе войско свое привел на помощь своего союзника, который всеми оною действиями распоряжал по собственным своим соображениям», но при этом нашел «приличным принять только знак четвертого класса»¹⁶.

Не менее благосклонно к побежденному царю была настроена Москва. 2 декабря 1805 г. С. П. Жихарев занес в дневник: «Известия из армии становятся мало-помалу определительнее, и пасмурные физиономии именитых москвичей проясняются. Старички, которые руководствуют общим мнением, пораздумали, что нельзя же, чтоб мы всегда имели одни только удачи. Недавно есть поговорка: «лепя, лепя и облепишься», а мы лепим больше сорока лет и, кажется, столько налепили, что Россия почти вдвое больше стала. Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы. И не сегодня, так завтра подавится, окаянный. Впрочем слышно, что потеряли не столько мы, сколько немцы, которые будто бы яшась бегут тогда, как мы грудью их отстаивали»¹⁷.

Настроение москвичей быстро менялось от растерянности до полного восторга: «Удивительное дело! – продолжает свой дневник Жихарев. – Три дня назад мы все ходили как полумертвые и вдруг перешли в такой кураж, что боже упаси! Сами не свои, и чорт нам не брат. В Английском клубе выпито вчера вечером больше ста бутылок шампанского, несмотря на то, что из трех рублей оно сделалось 3 р. 50 к. и вообще все вина стали дороже»¹⁸.

Одним словом, Москва вступала в новый 1806 г. в приподнятом боевом настроении. Московские ведомости от 3 января 1806 г. поместили «Стихи на Новый 1806 год» с соответствующими настроению строками:

Герои лаврами твои везде венчаны,
Господь Сил шествует пред ними во громах:
Где ступят лишь, враги там стерты и попраны,
В твоих же празднуют воинственных стенах,
Росс...имя ужасает
Перс, Галл равно пред ним дрожит,
Весь Свет его победы знает
И славою его шумит¹⁹.

Парадоксальная вещь: поражению радуются как победе! Радовались, конечно, не поражению, а возвращению России к активной внешней политике. Четыре с половиной года мирного правления, реформаторской деятельности Негласного комитета большинством дворянства было встречено как проявление государственной слабости и отсутствие политических перспектив. От царя ждали решительных шагов прежде всего в международной политике. При этом идеи либеральной войны тоже были мало понятны. Нужна была патриотически ориентированная внешняя политика, сродни той, которую проводила Екатерина II. Поэтому возросшую популярность царя после Аустерлицкого разгрома следовало воспринимать как аванс со стороны общественного мнения, стремящегося вернуть России былое влияние в международных отношениях²⁰.

Александр I чутко уловил эти настроения. Он понял, что в глазах дворянства его погубит не поражение, а мир с Наполеоном. Поэтому, несмотря на все разумные доводы своего министра иностранных дел А. Чарторыйского начать с Наполеоном переговоры о мире, Александр твердо решил продолжать войну. Но теперь антураж этой войны становился иным. Александр переходит от либеральной военной фразеологии к патриотической. Идя навстречу общественному мнению, царь манифестом от 16 ноября 1806 г. объявил войну Франции. Основная идея этой войны – защита Отечества от возможного вторжения французов. «Россиянам, – говорится в манифесте, – обычным любить славу своего отечества и всем ему жертвовать, нет нужды изъяснять сколь происшествия сии делают настоящую войну необходимою»²¹.

Примерно в это время Жуковский и написал «Песнь барда». Созданное в пропагандистских целях, стихотворение должно было, воздав должное погибшим героям, еще раз напомнить об их подвиге и вдохновить сограждан на новую войну. Поэтому в стилистике стихотворения переплетаются одическая традиция и элегическая медитация.

Описание самого сражения выдержано в традиционном одическом стиле:

О битвы грозный вид! Смотри! Перун сверкает!
Се мчатся! Грудь на грудь!

Дружин сомкнутых сонм!
Средь дымных вихрей бой и гром;
По шлемам звук мечей; коней пронзенных ржанье
И труб созвучный треск. От топота копыт,
От прения бойцов, от кликов и стенанья
Смятенный воев бор и дол гремя дрожит.
О страшный вид попраных боем!

Далее автор переходит к изображению подвигов конкретных героев:

Тот зыблется в крови, с глухим кончаясь воем;
Тот, вихрем мчась, погиб бесстрашных впереди;
Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрывает на груди;
Тот страшно восстал, на копья восхищенный,
И, сверженный во прах, дымясь, оцепенел...
О мужество славян! О витязей предел!

Архаизированная лексика, общеславянский колорит оды, дополненные авторскими комментариями из современности²², усиливали патриотическую суггестивность образной системы.

Однако на первом плане стоят не сражение и героизм воинов, а бард, соединяющий в себе войну и мир. Это традиционная для всех культур фигура певца, вдохновляющего воинов на битвы и рассказывающего о подвигах героев мирным людям. В герое Жуковского пересекаются различные культурные традиции. Само имя бард отсылает к Оссиану²³. За некоторыми образами стихотворения просматривается «Слово о полку Игореве» с его Баяном²⁴. Встречающийся в тексте образ убитого воина, положенного на щит, отсылает к

спартанской традиции с ее Тиртеем, имя которого упоминалось в эпитафии из Делилы.

В рамках этих традиций Жуковский видит свое место как поэта. Основным содержанием лирической медитации барда являются рассуждения о войне и мире. Эти две категории соотносятся в «Песне» как смерть и жизнь, как слава и бесславье. Прославляя воинов, павших на войне, бард с презрением отзывается о людях мирной жизни:

Пускай безвестный погибает,
Сей житель праха – червь душой,
Пусть в дольном мраке жизнь годами исчисляет...

Мир ассоциируется не только с безвестным и темным существованием, но и с неволей (*завидна ль часть веригой лет томимых*), и, в конечном итоге, смертью:

Бесславный ждет, томясь, кончины вялых дней,
До времени во мгле могилы погребенный.

Совсем другое дело – смерть на войне. В ее характеристике доминирующей оказывается лексика со значением не только славы, но и наполненности бытия:

Блажен почивший на громах
В виду отчизны благодарной,
И в гробе супротивным страх,
И в гробе озарен денницей лучезарной;
Блажен погибший в цвете лет...
О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!
Коль быстро совершен твой выпранный полет.

Подлинного мира удостоены лишь те, кто отдал жизнь в бою:

Здесь, братья, вечно мирны вы!
Почийте сладко, незабвенны!

В пространственном отношении война и мир противопоставлены как верх и низ. Все, что относится к мирной жизни, расположено внизу и в темноте, ее образом является «дольный мрак». Битва происходит наверху, и связанные с ней действия выражаются мотивами паренья и полета:

Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь в высоте – весь мир твой мавзолей.

Пространственные характеристики усиливаются световыми. В описании смерти в бою многократно подчеркиваются светлые тона: «И в гробе озарен денницей лучезарной» (курсив мой. – В.П.).

Итак, жизнь и смерть меняются местами. Жизнь в привычном значении получает характеристики смерти, а смерть в бою является наивысшим воплощением подлинной жизни. Мирная жизнь в ее нормальном течении строится вокруг могилы воинов как дань памяти об отдавших жизни за свое отечество. Девы рыдают на их могилах, потомки приходят, чтобы набраться мужества и в дальнейшем следовать примеру героических предков.

В этот поэтический мир вплетаются современные мотивы, пропагандирующие политику

Александра I в 1806 г. Лейтмотивом этой части «Песни» является отмщение, к которому бард призывает славян. Причем мстить следует не только за погибших братьев, но за и всю Европу, обращенную в рабство Наполеоном – «ярим исполином»:

Прострите взор окрест: лишь дебри запустелы.
Где пышный вид полей, где радостные селы,
И где тевтонов мощь, низринувшая Рим?
Там мать гладная иссякшими сосцами,
Простертая на прах, в младенца кровь лиет;
<...>

Недугом изнурен, кончины старец ждет;
Там чада нищеты – убийство и хищенье;
Там рабства первенец – неистовый разврат.
О ясный мир семей! О нравов оскверненье!
О доблесть прежних лет! Лишь цепи там звучат;
Лишь хищников бичи подъяты над рабами;
Сокрылись Германа последние сыны;
Сокрылись сил вожди, парившие орлами;
В пустынях, очеса к земле преклонены,
Над прахом павшего отечества рыдают.

Упоминание несчастий Пруссии позволяет более точно датировать это стихотворение: оно не могло быть написано раньше середины октября 1806 г., когда прусская армия была полностью уничтожена французами: «сокрылись Германа последние сыны». В 1806 г. патриотизм Жуковского имел либеральную окраску. Так, указ о созыве милиции Жуковский увязывал с необходимостью «дарования многих прав крестьянству, которые приблизили бы его к свободному состоянию»²⁵. Освобождение немцев от ига Наполеона и русских крестьян от произвола помещиков для Жуковского – явления одного порядка. В этом плане он как бы пропагандирует намерение Александра I строить внешнюю и внутреннюю политику на одних и тех же принципах.

Поэтому не случайно «Песне барда» он придавал большое значение именно пропагандистского толка. За ее публикацией на страницах «Вестника Европы» должно было последовать ее сценическое воплощение. Этими планами поэт поделился в письме к А. И. Тургеневу от 24 декабря 1806 г.: «Кашин почти положил эту пиесу на музыку. Она должна быть представлена мелодрамой на театре, и думаю, что произведет великое действие, и, конечно, больше, нежели при чтении»²⁶. Эта пьеса должна была снять противоречие, обозначившееся в 1806 г. между патристическим одушевлением русского общества и прусскими симпатиями Александра I.

Общественное мнение, хоть и готово было к новой войне, тем не менее оно неодобрительно относилось к намерениям Александра вести войну в интересах Пруссии. Начиная с мемельского свидания 1802 г. между Александром и прусской королевской четой Фридрихом-Вильгельмом III и Луизой установились теплые личные отношения. В октябре 1805 г. по дороге к своей армии,

находящейся за границей, Александр вместе с Фридрихом-Вильгельмом в Потсдаме над гробом Фридриха Великого поклялись «в вечной дружбе, залогом которой будет освобождение Германии»²⁷.

Союз с Пруссией был бесполезен в 1805 г., когда Александру так и не удалось присоединить ее к антифранцузской коалиции, и вреден для России в 1806 г., когда Пруссия, получив из рук Наполеона принадлежащий Англии Ганновер, фактически оказалась на стороне Франции против России. Министр иностранных дел А. Чарторыйский напрасно пытался использовать весь свой дипломатический опыт и личные отношения с царем, чтобы отвратить его от Пруссии и заставить заключить союз с Наполеоном. Александр упорно стоял на своем, и Чарторыйскому это в итоге стоило его поста. Новым министром иностранных дел в июне 1806 г. был назначен А. Я. Будберг, а уже в июле Александру удалось обменяться с Фридрихом-Вильгельмом секретными декларациями, направленными против Франции. По замечанию Н. К. Шильдера, «обмен этих деклараций создал для Пруссии положение, которому нет примера в истории дипломатических сношений государств. В одно и то же время Пруссия состояла в союзе с Францией против России и с Россией против Франции. Спрашивается, которую из этих двух держав Пруссия готовилась обмануть»²⁸.

Несмотря на то, что дипломатический просчет Александра сказался очень скоро: 14 октября 1806 г. прусская армия была уничтожена французской сразу в двух генеральных сражениях: при Иене и при Ауэрштедте, царь остался верен своему союзническому долгу и начал войну против Франции практически в одиночку. Такая рыцарская приверженность данному слову, пусть даже неверному союзнику, вызывала иронию в дипломатических кругах Европы и серьезную обеспокоенность в ближайшем окружении царя. Мать Александра Мария Федоровна в письме к сыну 14 марта 1807 г. напоминала ему о судьбах его деда и отца: «Я не перестану повторять, что привязанность вашего деда к Берлинскому двору стала причиной его гибели, привязанность вашего отца к тому же двору стала для него столь же роковой, и ваша привязанность к нему, дорогой Александр, была достаточной до настоящего момента...». Великий князь Николай Михайлович, опубликовавший этот отрывок, затруднился с объяснением такого упорного пристрастия царя к Пруссии и в итоге вынужден был признать это «результатом какого-то рыцарского чувства его к королеве Луизе»²⁹.

Думается, что историк прав лишь отчасти. Рыцарственное отношение к прусской королеве было лишь одним из элементов новых принципов внешней политики, которые Александр I пытался утверждать с самых первых своих шагов на международной арене. Для него война с Наполеоном – это война из-за принципов, поэтому

она должна быть справедлива и бескорыстна. К тому же это война в защиту слабых от сильных, ставящая своей целью новые основания общеевропейского мира. Союз с Пруссией питался не только личными симпатиями Александра к королеве Луизе и ее государству, но и либерально-освободительными идеями и стремлением представить свою внешнюю политику как бескорыстную помощь побежденным народам. Именно этот аспект был особенно важен для Жуковского, выступившего с поддержкой внешнеполитического курса Александра I. Идея русско-прусского союза против наполеоновской Франции, не отвечая насущным внешнеполитическим задачам России, была несомненно привлекательна в поэтическом отношении, что и явилось для Жуковского определяющим фактором при написании «Песни Барда». Поэтическая задача создания новой военной лирики естественным образом соединилась с задачей политической пропаганды.

Примечания

- ¹ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 419.
- ² Кашкина Л. И. Традиции русского ораторского искусства в гражданско-патриотической лирике В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. М., 1988. С. 140.
- ³ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 331.
- ⁴ Maistre J. de. Mémoires politiques et correspondance diplomatique: 2 vol. P., 1958. Т. I. P. 97.
- ⁵ Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997. С. 168.
- ⁶ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 125.
- ⁷ Санктпетербургские ведомости. 1805. 8 декабря, пятница. №61.
- ⁸ Богданович М. И. История царствования императора Александра I: В 3 т. СПб., 1869. Т. 2. С. 105.
- ⁹ Санктпетербургские ведомости. 1806. 16 февраля, пятница. Эти данные очень далеки от приводимых позднейшими историками, которые, впрочем, также разнятся. А. И. Михайловский-Данилевский приводит потери союзников – 27 тыс., французов – 12 тыс. Анализ этих и других данных см.: Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 113–114.
- ¹⁰ Pascal A. Les bulletins de la Grande Armée: 6 vol. P., 1841. Т. 3. P. 427.
- ¹¹ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 134.
- ¹² Stourdza A. de. Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophique et littéraires: 6 vol. P., 1859. Т. 3. P. 96.
- ¹³ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 283.
- ¹⁴ Там же. С. 285.
- ¹⁵ Дуров В. А. Ордена России. М., 1993. С. 37.
- ¹⁶ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. XXVIII. Стлб. 1300–1301; Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 145.

- ¹⁷ Жихарев С. П. Указ. соч. С. 135.
- ¹⁸ Там же. С. 135. Правда, эти восторги не всегда переносились на царя. Как вспоминал Ф. Ф. Вигель, в Москве «позволяли себе осуждать царя, даже смеяться над ним и вместе с тем обременять ругательствами победителя его, с презрением называя его Наполешкой» (См.: Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 404).
- ¹⁹ Московские ведомости. 1806. 3 января, среда.
- ²⁰ На разговоры об Аустерлицком поражении было наложено своего рода табу. Поражения, разумеется, никто не скрывал, но и говорить о нем в обществе было не принято. Такое положение по инерции продолжалось довольно долго, по позднему свидетельству Ф. Б. Булгарина, «сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно царствующий государь-император (Николай I. – В.П.) не разрешил генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину» (Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 191).
- ²¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 155.
- ²² К строкам:
*Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрывает на груди,*
дано примечание: «Известный поступок солдата Емельянова».

К строке

- О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!* – дано примечание: «Здесь автор думал об одном молодом человеке, Новосильцеве, который в прошедшую войну был изранен в сражении и умер от ран, разлученный со своим отечеством, разлученный с родными, которые и теперь оплакивают его потерю. Автор желал бы наименовать всех наших героев, столь недавно принесших в дар отечеству и кровь свою и жизнь, но их имена известны, и благодарность сохранит об них воспоминание» (Жуковский В. А. Указ. соч. С. 418–419).
- ²³ См. об этом: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. М., 1980. С. 88–90.
- ²⁴ См.: Прокофьев Н. И. Образы прошлого в поэтическом мире Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. С. 41–42.
- ²⁵ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. СПб., 1895. С. 26. Подробнее о либерализме Жуковского см.: Жуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 29–36.
- ²⁶ Жуковский В. А. Собрание сочинений. Т. 4. С. 558.
- ²⁷ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 132.
- ²⁸ Там же. С. 150.
- ²⁹ Николай Михайлович, вел. князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 48.

УДК [9:355.71](470.44–89)«1808/1872»

САРАТОВСКАЯ КВАРТИРНАЯ КОМИССИЯ (1808–1872 гг.). К ИСТОРИИ ПОСТОЙНОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ

И.Н. Плешаков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: histrus@sgu.ru

В XVIII–XIX вв. перед региональными и центральными властями остро стояла проблема квартирования войск. Войска размещались в домах обывателей. Лишь небольшая часть находилась в специальных казарменных помещениях.

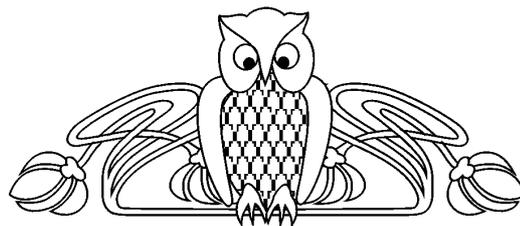
В 1808 г. император Александр I подписал указ о создании в городах государства особых «квартирных комиссий». В их функции входили составление списков домов горожан и распределение в них военных и чиновников.

В статье деятельность квартирных комиссий рассмотрена на примере города Саратова. В работе делается вывод о неэффективности существовавшей в России XIX столетия системы размещения войск.

**Saratov Room Commission (1808–1872). To a History
Accommodation of Armies in Russia**

I.N. Pleshakov

In XVIII–XIX centuries before a regional and central authority was a problem of accommodation of armies. The armies were placed in the

houses of the citizens. Only a small part was in the special buildings. In 1808 Alexander I has signed the decree about creation in the cities of the state the special «room commissions». To their functions concerned drawing up the lists of the houses the towns people and distribution in them the militaries and officials.

In this article, the activity «room commissions» is consider on an example the city Saratov. In the work is judged an inefficiency of existing system of accommodation of armies in Russia in XIX century.

Среди важнейших проблем, стоявших перед местной властью в XVIII – начале XIX в., особое место занимает квартирование военных частей¹. На протяжении указанного периода государство искало различные пути облегчения городскому населению несения постоянной повинности: от идеи строительства особых «полковых слобод» или отдельных дворов, специально предназначавшихся для размещения воинских подразделений, до проекта повсеместного возведения казарменных помещений. Однако все они, в силу разных причин, не нашли широкого применения или оказались неосуществимы на практике². Кроме того, ни один из вариантов решения вопроса не устранял главной проблемы – отсутствия точно определённых